

Я хотел весь помыться — синтаксис русских рефлексивов за пределами литературного языка

Александр Борисович Летучий, НИУ Высшая школа экономики, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), alexander.letuchiy@gmail.com

---

DOI: 10.31857/S013161170014706-5

АННОТАЦИЯ: В статье обсуждаются нестандартные конструкции с русскими возвратными глаголами в рефлексивном употреблении (*мыться, бриться, причесываться* и др.), используемые в разговорном языке и языке Интернета. Специфика данных конструкций состоит в том, что при рефлексивах используются зависимые, которые данный тип возвратных глаголов по своей семантике и синтаксическим свойствам в норме не допускают. Если модификаторы типа *весь* нестандартно сочетаются с моделью управления рефлексива, но всё же не сильно отклоняются от литературной нормы, то конструкции исключения и включения с маркерами *кроме* и *включая* и, в особенности, группы в винительном падеже — ярко выраженные разговорные явления.

Данные нестандартные конструкции дают представление и о грамматических свойствах рефлексивов, и об их функционировании в речи. Речевой аспект состоит в том, что носителей иногда «не устраивает» то, что при глаголах типа *мыться* или *одеваться* нельзя обозначить задействованный предмет одежды или часть тела. Поэтому говорящие «изобретают» способы указать на них (либо определенно, группой в винительном, либо менее очевидно, конструкцией с *кроме* или *включая*). В некодифицированной речи, тем самым, используются конструкции, уточняющие смысл, даже если они плохо встраиваются в структуру

предложения. Что касается синтаксиса и семантики, то наш материал показывает, что актант при рефлексивных глаголах имеет смешанные свойства и Агенса, и Пациенса, совмещает в себе двух участников из модели управления исходного глагола, например, *Вася моет чашку*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рефлексивы, плавающие квантификаторы, прилагательные, винительный падеж, прямой объект, разговорная речь, язык Интернета

для цитирования: Летучий А. Б. *Я хотел весь помыться* – синтаксис русских рефлексивов за пределами литературного языка // Русская речь. 2021. № 2. С. 20–34. DOI: 10.31857/S013161170014706-5.

благодарности: статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-29-09154.

Issues of Modern Russian Language

I Wanted to Wash Myself – Syntax of Russian Reflexive Verbs in Spoken Language

---

Alexander B. Letuchiy, HSE University, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), alexander.letuchiy@gmail.com

---

ABSTRACT: The article focuses on non-standard constructions with Russian reflexive verbs like *myt'sja* 'wash (oneself)', *brit'sja* 'shave (oneself)', *pričesivat'sja* 'comb (oneself)', and so on. The **particularity** of these constructions is that in colloquial and internet speech, they are sometimes used in constructions incompatible with internet in literary speech. While modifiers like *ves'* are non-standard, they do not conflict with the literary norm. It is not the case with constructions with prepositions *krome* 'except' and *vključaja* 'including' and, in particular, accusative NPs – they represent highly colloquial phenomena.

The constructions under analysis shed light both on the grammatical properties of reflexives and their functioning in speech. From the discourse

perspective, our data shows that sometimes native speakers are not satisfied with the lack of the explicit patient (e.g., a body part) and find a way to mark them (either with an accusative NP or, less explicitly, with a construction with *krome* and *vključaja*). Even when this explicit marking contradicts the argument structure of reflexives, they are incorporated into the clause structure. Syntactically and semantically, our data shows that the subject argument of reflexives combines the properties of an agent and a patient. It combines two participants of the base transitive verb, e.g., *Vasja moet čašku* ‘Vasja is washing the cup.’

KEYWORDS: reflexive, floating quantifier, adjective, accusative, direct object, colloquial speech, internet texts

FOR CITATION: Letuchiy A. B. *I Wanted to Wash Myself* — Syntax of Russian Reflexive Verbs in Spoken Language. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2021. No. 2. Pp. 20–34. DOI: 10.31857/S013161170014706-5.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by the grant from the RFBR № 17-29-09154.

В известном анекдоте чукча приходит в магазин и спрашивает, есть ли мыло. В дальнейшем он объясняет: «Я весь хотел помыться». Эта его реплика и подтолкнула нас к предлагаемому небольшому исследованию. Точнее, мы обратим внимание на сочетание слов *весь* и возвратных глаголов с рефлексивным значением типа *помыться* и на некоторые связанные вопросы¹.

Обсуждаемые в работе примеры взяты из Национального корпуса русского языка и из результатов поиска в системе Google. Немногочисленные примеры, не иллюстрирующие ключевые утверждения, сконструированы нами.

¹ Хорошо известно, что возвратный постфикс *-ся* имеет много употреблений (см. о них, например, [Янко-Триницкая 1962; Geniušienė 1987; Gerritsen 1990; Kemmer 1993; Летучий 2016]). Например, когда от глагола *увидеть* образуется возвратный дериват *увидеться*, *-ся* обозначает взаимность (поэтому *увидеться* означает ‘встретиться, увидеть друг друга’). Когда от *кусать* образуется *кусаться* (*Осторожно, собака кусается!*), функция у *-ся* другая — постфикс уничтожает прямое дополнение, а значение становится неопределенным, с компонентом ‘любой’ (*кусается* = ‘может укусить любого’). Нас ниже будет интересовать только одно употребление возвратного постфикса — рефлексивное. Речь идет о том, что с помощью *-ся* образуются глаголы, обозначающие действие участника над самим собой (*причесываться* = ‘причесывать самого себя’, *одеваться* = ‘одевать самого себя’). Другие группы возвратных глаголов мы рассматривать не будем.

Слово *весь* имеет разнообразные употребления: речь и о семантике, и о синтаксисе. Например, семантически *весь* может означать и ‘целиком’, и ‘все элементы множества’:

- (1) *Весь стол был в торте.*
- (2) *Все столы составили в углу.*

Синтаксически *весь* может употребляться в стандартной позиции прилагательного перед определяемым словом (*весь стол*), в другой позиции — определяя существительное или местоимение (*Ты весь испачкался*) или без выраженного определяемого слова (*Все собрались*). Поэтому *весь* описывают как плавающий квантификатор, то есть единицу, близкую к прилагательному или местоимению-прилагательному, но со значительно более свободной позицией в предложении (см. подробнее [Bobaljik 2003], [Тестелец 2001]). При этом каждому синтаксическому типу употребления соответствуют семантические ограничения или дополнительные компоненты значения. Приведем примеры.

Например, если определяемое слово — неодушевленное, то допустимы обе позиции *весь* — и перед определяемым, и после него (3). А если определяется одушевленное существительное, для *весь* лучше выглядит позиция после него (4):

- (3) а. *Весь стол был в торте.*
б. *Всю сумку мне испачкали!*
в. *?Весь Вася был в торте.*
г. *?Всю собаку испачкали.*
- (4) а. *Вася был весь в торте.*
б. *Собаку всю испачкали в йогурте.*
в. *Стол был весь в торте.*
г. *Сумку всю испачкали в йогурте.*

Позиция без определяемого слова возможна только для форм множественного числа (интерпретирующихся как множество людей) и форм среднего рода ед. ч. (интерпретирующихся как недифференцированное множество объектов):

- (5) *Всё хорошо.*
- (6) *Какое тут всё грязное!*
- (7) *Все собрались?*

Надо сказать, что толковые словари, например [Евгеньева (ред.) 1981], [Ожегов, Шведова 1992], описывают это употребление как отдельное значение, где *все/всё* является местоимением-существительным или употребляется в значении существительного.

Нас интересует употребление (4) — плавающий квантификатор, причем в значении 'целиком'. Оно сочетается и с подлежащими, и с дополнениями. Если глагол имеет и подлежащее, и дополнение, *весь* теоретически может относиться и к любому актанту². Однако на практике такое встречается редко. Дело в том, что употребление *весь* предполагает, что участник затронут ситуацией: он разрушился, его свойства изменились, либо изменилось место, где он находится. Переходные глаголы, которые обозначают, что изменились свойства и субъекта, и объекта, довольно редки.

Весь относится к подлежащему:

- (8) *Чашка вся потрескалась* (изменились вид и структура подлежащего — чашки).

Весь относится к дополнению:

- (9) *Он меня всего измазал в какой-то пакости* (изменилось состояние дополнения — меня).

Не встречаются (и, видимо, неграмматичны) стандартные конструкции с объектом — частью тела или рефлексивным местоимением *себя*, где *весь* относится к субъекту. Хотя, казалось бы, семантически субъект в этом случае, как и объект, затронут ситуацией, эта затронутость меньше, чем у объекта, поэтому выбирается *весь* в объектной позиции (12):

- (10) **Он весь измазал себя в клее.*

- (11) **Он весь выпачкал руки в варенье.*

- (12) *Не думаю, что я был бы лучше как музыкант, если бы покрыл все-го себя татуировками* (<https://www.pressreader.com/russia/izvestia/20180712/281706910447982>).

Тем не менее иногда при переходных глаголах с рефлексивным местоимением *себя* все-таки возможно слово *весь*, относящееся к подлежащему, а не к дополнению, как в (12). Мы покажем, что это происходит при нестандартных рефлексивах³.

- (13) *С этих пор он ничем уж не занимался и весь посвятил себя Богу...* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки. 1856–1857).

- (14) *Его жена, сошедшая безвременно в могилу, упрекала его не раз в том, что в ущерб семье он весь отдает себя делу* (Л. А. Чарская. Золотая рота. 1911).

² Актант — это подлежащее или дополнение глагола. Актанты соответствуют участникам ситуации, обозначенной глаголом. В этой статье мы не рассматриваем сложные случаи, когда неясно, является актантом зависимое глагола или не является.

³ Рефлексивами мы называем любые глаголы или конструкции, выражающие совпадение участников: иначе говоря, речь идет о том, что подлежащее и дополнение глагола — это один участник, который и производит действие, и подвергается ему (например, *мыться, одеваться* и др.).

- (15) *Кончив математику, весь посвящаю себя Титу Ливию* (А. О. Корнилович. Письмо М. О. Корниловичу. 1832).
- (16) *По-разному моя жизнь складывалась — были моменты, когда я не ходила — вся посвящала себя личной жизни, затем опять возобновляла свои танцевальные занятия* (https://perm.flamp.ru/firm/fajjmaris_shkola_studiya_vostochnogo_tanca-2252328095030548/otzyv-2318851).
- (17) *Сирота Алексей Романов родился без кистей рук и одной стопы, но в погоне за мечтой он весь отдал себя музыке* (<https://vokrygmira.ru/>).

Примеры (13)–(17) — это нестандартные рефлексивы. Буквального совпадения участников, явного действия над собой здесь не предполагается. Можно посвятить танцам, делу или Богу *себя*, однако нельзя *посвятить сына делу* или *посвятить брата Богу*. Поэтому *посвятить себя* скорее является слитным сочетанием со значением ‘отдать силы, жить ради чего-л.’. Его семантика не сводится к сумме значений глагола *посвятить* и местоимения *себя*. В силу этого в значении данных глаголов трудно разглядеть двух участников, которые можно увидеть в глаголах типа *испачкать* или *вымазать* — в их случае есть один, активный участник, который (вольно или невольно) пачкает другого, пассивного (при употреблении *себя* обе роли выполняет один человек или объект). Поэтому местоимение *весь* в (13)–(17) может относиться к субъекту, как будто перед нами непроизводный непереходный глагол и его субъект затронут ситуацией. Это, впрочем, не отменяет того факта, что возможна и стандартная для переходных глаголов модель с *весь* в объектной позиции — та же, которая употребляется при рефлексивах с *себя* в прямом значении.

- (18) *На протяжении многих лет Михаил Угаров посвящал всего себя театральной деятельности* (<https://www.filmpro.ru/materials/63443>).

Случай глаголов типа *посвятить себя* показывает, что употребление единиц типа *весь* не целиком объясняется синтаксисом глагола. При переосмыслении конструкции с *себя* и размывании ситуации с двумя семантическими ролями *весь* тоже употребляется по-другому, как при объекте, так и при субъекте.

Возвратные глаголы

Если возвратность выражается рефлексивным употреблением *-ся*, оказывается, что слово *весь*, относящееся к субъекту, тоже возможно. Впрочем, сама группа русских возвратных глаголов с рефлексивным значением невелика. В основном они подпадают под семантику «ухода за телом»

в терминах [Kemmer 1993], [Geniušienė 1987]: *причесываться, одеваться, обуваться, мыться и умываться, бриться, намазываться* (напр., кремом), *краситься* и др. Отдельные глаголы с рефлексивной семантикой есть и за пределами этого класса, например *смотреться* (в зеркало).

(19) — *А может, я весь помоюсь заодно?* — спросил я (<https://coollib.net/b/259673/read>).

(20) *А еще в наборе был глицерин с какой-то дрянью, я весь намазался, шкура так и залоснилась* (<https://thelib.info/tehnologii/565705-obscura-reperta-temnye-temnye-izyskaniya/>).

Подумаем, как устроена семантика возвратного глагола в рефлексивном употреблении. Нас будет интересовать прежде всего семантическая роль и свойства подлежащего таких глаголов. Удобнее всего рассматривать ее в сравнении со свойствами исходного глагола. Например, изначально глагол *помыть* обозначает ситуацию с двумя участниками: активным (тем, кто моет, Агенсом) и пассивным (тем, кого моют, Пациенсом). При глаголе *помыться* Агенс и Пациенс совпадают: активный участник (Агенс) моет себя сам. Можно ли сказать что-нибудь определенное о свойствах подлежащего глаголов типа *помыться*? Активного участника оно выражает, пассивного или двух сразу? Здесь возможны следующие варианты интерпретации:

- 1) при возвратном глаголе типа *помыться* подлежащее — это Агенс, а второй участник не выражен явным образом, поскольку его место занято возвратным постфиксом *-ся*;
- 2) подлежащим при возвратном глаголе выражается как раз Пациенс, а Агенс не выражен;
- 3) подлежащее возвратного глагола совмещает в себе свойства Агенса и Пациенса.

Если бы правильной была гипотеза 1, то субъект имел бы роль Агенса. Тогда конструкции типа *Я хотел весь помыться* были бы семантически аномальны: к активному участнику (Агенсу) относилось бы слово *весь*, обозначающее, что участник затронут ситуацией. Следовательно, нужно выбрать вариант 2 или 3.

Однако и второй вариант не годится. Ведь при рефлексивных возвратных глаголах типа *помыться* возможны и слова, указывающие на умышленный, целенаправленный характер действия: *Я специально помылся сразу, как пришел, чтобы ужинать уже чистым*. Значит, верен вариант 3 — субъект рефлексива имеет обе роли.

Это подтверждается другим свойством рефлексивных возвратных глаголов. А именно, они сочетаются с плавающим определителем *сам* в значении 'ситуация, в которой участник X подвергается воздействию или

меняет свои свойства, противопоставляется ситуации, где X воздействует на другого участника Y'. Стандартно *сам* употребляется, когда X — это субъект в обеих ситуациях.

(21) *Он и нас всех испачкал, и сам испачкался.*

(22) *Он ранил врага, но понял, что сам ранен.*

Это же соотношение возможно в примерах типа (23). Здесь в первой части субъект заставляет бабушку совершить действие, а во второй совершает его сам:

(23) *Он заставил бабушку принять таблетки и сам их принял.*

При этом совпадение глаголов или их корней в двух частях не обязательно. Более существенно, что по смыслу одна ситуация выражает воздействие субъекта на X, а другая — его воздействие на себя:

(24) *Петя и меня побил, и сам еле жив остался.*

При рефлексивах субъект не затронут ситуацией. Однако *сам* может употребляться, поскольку семантически связано с объектом (хотя маркируется именительным падежом, как и субъект).

(25) *Он и помыл ребенка, и сам помылся.*

Это также указывает на то, что субъект имеет обе роли и *сам* относится к Пациенсу. Впрочем, это свидетельство слабее, чем в случае *весь*, поскольку *сам* в данном употреблении сочетается и с семантически рефлексивными переходными глаголами:

(26) *Он и всех побил, и сам руки поранил.*

Непонятные объекты

Поведение *весь* и *сам* с возвратными глаголами типа *одеться* дает благодатную почву для появления еще одной, по-своему загадочной, группы контекстов. Их можно назвать контекстами **конкретизации**, или **расшифровки**, — содержание рефлексива в них расшифровывается указанием на конкретный объект. Нужно сказать, что такая конкретизация часто действительно необходима: ведь русский показатель *-ся* не всегда обозначает рефлексив в строгом смысле, то есть полную затронутость субъекта собственным действием. И если, например, для *одеться* или *помыться* это не слишком важно, то *причесаться* или *побриться* выражают действия над конкретной частью тела, соответственно, волосами или лицом. *Накраситься* тоже связан с частями лица (например, губами, щеками, глазами и пространством над ними), *покраситься* обозначает изменение цвета волос (хотя возможны варианты) и так далее.

Часто, если необходима определенность, вместо рефлексива употребляется исходный глагол: вместо *помыться* можно сказать *помыть ноги* или *спину*, вместо *побриться* — *побрить усы* или *бороду*. Правда, этот несложный механизм применим не всегда: например, даже если мы хотим точно указать, что человек надел одежду на ноги, сказать *он одел ноги* все-таки нельзя.

Механизм же, о котором мы говорим, связан с возвратными глаголами. Для начала рассмотрим следующие примеры.

(27) *Весь побрился, кроме бороды — она мне дорога как память!!!*
(<https://m.74.ru/forum/theme.php?id=711526&p=5>).

(28) *Бабушка одевала один раз, когда они ходили гулять и говорит сам оделся кроме обуви и комбеза* (<https://www.baby.ru/blogs/post/2572846141-451329382/>).

(29) *Я оделся, кроме верхней одежды, и стал ждать звонка девушки.*

Отличие от предыдущих примеров в том, что группа с *кроме* уточняет значение возвратного глагола. И если семантически никакой сложности это не представляет, то синтаксическое описание сталкивается с проблемой. Дело в том, что предлог *кроме* требует выражения, по крайней мере, трех компонентов:

- основного множества элементов, для которых верно утверждение Р;
- исключений из общей тенденции — Р для них неверно;
- самого утверждения Р.

Ср., например: *Всех* (множество), *кроме Васи* (исключение), *раздражает хамство* (Р — утверждение, верное для основного множества); *Все ребята* (множество), *кроме меня* (исключение), *ходили на футбол* (Р).

Стандартное употребление *кроме* подразумевает, что конструкцию можно разделить на две, в которых в одной позиции будут стоять названия множества и исключения; в первом из примеров ниже они занимают позицию прямого дополнения, а во втором — подлежащего.

(30) *Всех* (прямое дополнение) *раздражает хамство*, а *Васю* (прямое дополнение) *не раздражает хамство*.

(31) *Все ребята* (подлежащее) *ходили на футбол*, а *я* (подлежащее) *не ходил на футбол*.

Однако легко видеть, что в разговорных конструкциях с рефлексивами это правило не соблюдается — конструкции с *кроме* нельзя придумать замену, где множество и исключение занимали бы одну позицию.

(32) *Весь побрился, кроме бороды.*

(33) ??*Весь побрился, а борода не побрилась.*

(34) *Оделся, **кроме** верхней одежды.*

(35) *??Весь оделся, а верхняя одежда не оделась.*

Не вполне ясно, каким же образом присоединяется группа с *кроме*. Здесь не помогает даже критерий семантической роли: даже если субъект рефлексива и является одновременно Агенсом и Пациенсом, это не снимает синтаксические проблемы: каким образом к этому актанту должна присоединиться объектная группа? Вероятно, конструкция типа (27)–(29) является результатом того, что у говорящих возникает желание уточнить «референт возвратного показателя», что исходно и в литературном языке невозможно. В этой ситуации присоединяется группа с *кроме*, причем ее точная синтаксическая позиция не так уж важна. Семантически *кроме* + РОД присоединяется к компоненту ‘весь, целиком’, который либо прямо выражен плавающим определителем *весь*, либо он подразумевается, а синтаксически же эта группа плохо встраивается в синтаксическую структуру предложения. Сходным образом себя ведут конструкции с показателем *включая* и винительным падежом: семантически они раскрывают значение возвратного глагола, а вот их синтаксический статус неясен — нет позиции, куда можно было бы их присоединить.

(36) *Быстро помылась, **включая** и влажные волосы* (<https://ficbook.net/readfic/4656169/12570274>).

*Я только в подъезд выходил в 9 лет, когда закрывал дверь ключом очнулся и офигел, было дело зимой, я во сне полностью оделся, **включая** шапку и пуховик* (<https://e-news.su/in-world/26060-pyatiletnyaya-devochka-lunatik-sovershila-fantasticheskij-nochnoy-pohod.html>).

Однако оказывается, что к такому нестандартному присоединению способна не только группа с *кроме*, но и обычные объектные именные группы. При возвратных глаголах в интернет-текстах могут появляться именные группы в винительном падеже, по сути, прямые объекты, которых возвратные глаголы иметь не должны.

(37) *Я намазался весь, и волосы и кожу. После сауны это восхитительно! Всем рекомендую!* (11 Отзывов о DOLPHINCOCO).

(38) *А тут взял один пузырек и полностью помылся, и голову и тело* (<https://www.komus.ru/katalog/krasota-i-zdorove>).

(39) *Прямо этот месяц такой полный на новинки в умелках, сегодня сама ел вилкой и почти сам оделся и штаны и футболку и сандали* (<https://www.babyblog.ru/user/fennec-felicitas/151191>).

(40) *Ярослав, реально там помыться? И голову тоже?* (https://vk.com/topic-1398178_30466277).

Примеры (37)–(40) составляют более серьезную проблему, чем (27)–(29). В них не просто не совсем ясна позиция актанта, а еще и нарушается характеристика возвратного глагола: в русском языке рефлексивы являются непереходными, а значит, актант в винительном падеже при них невозможен.

Источники конструкции

Поскольку конструкции типа (37)–(40) не соответствуют нормальным характеристикам рефлексивных глаголов, нужно понять, откуда они берутся. Как показано в работах Е. А. Земской, В. И. Подлесской, Н. Н. Розановой и М. В. Китайгородской, неверно представление о том, что разговорная речь — это система, где «всё позволено», см. [Земская 2011], [Подлесская, Кибрик 2009], [Китайгородская, Розанова 2010]. Ниже рассматриваются три возможных источника: эллипсис глагола, зависимые, не различающие именительный и винительный падежи, и безглагольные предложения.

Эллипсис глагола

Первый вариант состоит в том, чтобы считать, что в конструкциях типа (37)–(40) пропущен парный к рефлексивному переходный глагол. Например, в (38) должно было бы быть *и полностью помылся, помыл и голу, и тело*. В целом такого рода эллипсис ненормален для литературного языка, ср. (41), где выражен возвратный глагол *разбиться*, а пропущен переходный *разбить*, — однако нельзя исключать, что для разговорной речи он возможен:

- (41) **Синяя чашка разбилась из-за сквозняка, а Сережин пес Ø [разбил] только зеленую.*

Более серьезная претензия состоит в том, что под это объяснение не подходят конструкции с *кроме* и *включая*. Как свести к эллипсису переходного глагола конструкции типа (42)?

- (42) *Выбравшись наружу, он подошел к шкафчику с одеждой, и неторопливо оделся, включая серый облегающий комбинезон* (http://samlib.ru/a/aleksandr_bd/neudachny_kontakt_vsy.shtml).

Преобразование типа (43) невозможно — нужно думать, что хотя бы в конструкции с *включая* никакого эллипсиса переходного глагола нет.

- (43) **Он подошел к шкафчику с одеждой и неторопливо оделся, включая одел серый облегающий комбинезон.*

Зависимые, не различающие именительный и винительный падежи

Можно заметить, что конструкции с нестандартными прямыми дополнениями типа (37)–(40) часто включают также плавающие определители (ПО). ПО не различают именительный и винительный падежи. Возможно, при употреблении плавающего определителя структура становится непрозрачной для говорящего, он интерпретирует ПО типа *весь* как объектный и дальнейшие зависимые (именные группы, например имена частей тела) ставятся уже в винительный падеж.

И это объяснение безупречно. Во-первых, все-таки есть конструкции (ср. (38), (40)), где плавающего определителя нет — вместо него употребляются слова типа *полностью, целиком*, не имеющие категории падежа, или имена частей тела просто присоединяются к структуре с возвратным глаголом (ср. *Реально там помыться? И голову тоже?*). Во-вторых, непонятно, почему не встречаются симметричные конструкции, где *весь* интерпретировалось бы как показатель в именительном падеже и имена частей тела к нему также присоединялись бы в именительном.

Безглагольные предложения

Наконец, можно было бы думать, что нестандартные примеры с прямым объектом на самом деле содержат во второй части конструкцию без глагола. Хотя часто безглагольные конструкции содержат нулевую связку и имеют значение состояния, это не всегда так. Ср., например, некоторые типы нулевых составляющих, описанные И. А. Мельчуком:

(44) *Он только что с вокзала [приехал].*

(45) *А жена его сковородкой [стукнула].*

(46) *Ты с молоком или без? [будешь пить кофе].*

Иначе говоря, предложения без стативного значения тоже иногда употребляются с нулем глагола — даже в случаях, когда глагол восстанавливается не из контекста, а из речевой ситуации. Тогда предложение типа (47) можно интерпретировать как содержащее во второй части конструкцию с нулевым глаголом типа *Ты только руки? Надо целиком*.

(47) *Маргарита должна была намазаться целиком а не только руку и лицо* (<https://forum.ixbt.com/topic.cgi?id=63:000619-44>).

Однако и это решение сомнительно. Если рассматривать примеры выше как безглагольные конструкции, они должны были бы быть возможны и без первой части, где выражен возвратный глагол (например, *намазаться* в (47)). Однако это не так — если в разговорной речи и может

существовать предложение типа *Маргарита только руку и лицо*, то совершенно неясно, какое же действие имеется в виду.

В результате получается, что ни один из трех альтернативных грамматических подходов не описывает всех языковых данных. Ближе всего к верному решению эллипсис, но и он покрывает не все описанные примеры. Поэтому, видимо, решение должно лежать не в области грамматики, а в области речевых стратегий. Поскольку в разговорной речи и интернет-коммуникации набор моделей управления глагола в большей мере свободен, чем в литературном языке, можно считать, что говорящие (и пишущие) на этих разновидностях языка добавляют глагольные зависимости, чтобы «пояснить» значение глагола (например, какой предмет одежды был надет или какие части тела были вымыты). Этому не мешают грамматические ограничения, вроде бы запрещающие добавление групп *с кроме, включая* или именные группы в винительном падеже.

Заключение

Рассмотрев некоторые ненормативные конструкции с возвратными глаголами (*одеться, помыться* и др.), можно сделать следующие выводы. Во-первых, подлежащее при рефлексиве нельзя считать ни Агентом (активным участником), ни Пациентом (затронутым ситуацией пассивным участником). Скорее подлежащим выражены оба участника — это подтверждается возможностью конструкций, где к подлежащему относятся операторы, маркирующие изменение субъекта, его затронутость ситуацией (плавающий квантификатор *весь*).

Во-вторых, в ненормативных конструкциях появляется возможность выразить прямой объект, который в литературных конструкциях не выражается. Источников у такого употребления может быть несколько. С одной стороны, может оказаться, что они возникают в результате эллипсиса переходного глагола (*Весь помылся и голову тоже [помыл]*). С другой стороны, облегчать их возникновение может употребление с плавающими квантификаторами (*весь, сам*) и/или конструкциями типа *кроме + РОД* и *включая + ВИН*, не различающими именительный и винительный падежи. Однако точнее всего сказать, что мотивация в данном случае дискурсивная. В употреблении рефлексивных глаголов неизбежно существует некоторая доля неопределенности: *помылся* не обязательно означает буквально ‘помыл всё тело целиком’, но нормативный синтаксис не дает возможности уточнить, какие части тела мыл субъект. Поэтому уточняющие группы добавляются в обход стандартных грамматических правил, чтобы сообщить информацию, которая кажется говорящему необходимой.

В-третьих, неожиданным образом оказывается, что необычное синтаксическое поведение могут демонстрировать не только возвратные глаголы. Конструкции, состоящие из глагола и показателя *себя*, разбиваются на два класса: один из них — это конструкции с прямым значением рефлексива *себя*. В них субъектное *весь* невозможно, поскольку затронут ситуацией не субъект, а объект (выраженный *себя*). Второй же класс устроен совершенно по-другому: это конструкции типа *посвятить / посвящать себя, отдать / отдавать себя*. В них нет противопоставления Агенса и Пациенса — по сути, участник в них один и семантическая роль одна. Поэтому, несмотря на переходную синтаксическую структуру, субъектное *весь* в них допустимо.

Самый общий вывод заключается в том, что рефлексив — казалось бы, строгий тип конструкции и/или производного глагола, подразумевающий совпадение двух участников ситуации, — на самом деле сильно подвержен действию дискурсивных и семантических факторов. И как только значение рефлексивной конструкции переосмысливается или говорящий стремится раскрыть ее смысл, выразить точнее то, что выражается маркером рефлексива, возможны становятся те конструкции, которые актантная структура рефлексива, казалось бы, разрешать не должна.

Литература

- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
- Земская Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Флинта, 2011. 240 с.
- Летучий А. Б. Возвратность // Плунгян В. А. (отв. ред.). Материалы к корпусной грамматике современного русского языка. Часть 1. Глагол. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 268–340.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 2314 с.
- Подлесская В. И., Кибрик А. А. (ред). Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. 735 с.
- Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГУ, 2001. 798 с.
- Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: АН СССР, 1962. 247 с.
- Bobaĳik, Jonathan. Floating quantifiers: Handle with care // Lisa Cheng & Rint Sybesma (eds.). The second Glot international state-of-the-article book, 2003. Berlin: Mouton, pp. 107–148.

- Geniušienė, Emma.* The typology of reflexives. Berlin, Mouton de Gruyter, 1987.
- Gerritsen, Nelleke.* Russian reflexive verbs: In search of unity in diversity. Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1990.
- Kemmer, Susanne.* The middle voice. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1993.

References

- Bobaljik, Jonathan. Floating quantifiers: Handle with care. Lisa Cheng & Rint Sybesma (eds.). The second Glot international state-of-the-article book, Berlin: Mouton. 2003. pp. 107–148.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t., 2-e izd., ispr. I dop.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian. lang.; 2nd ed., rev. and add. Moscow. Russkii Yazyk Publ., 1981–1984.
- Geniušienė, Emma. The typology of reflexives. Berlin, Mouton de Gruyter, 1987.
- Gerritsen, Nelleke. Russian reflexive verbs: In search of unity in diversity. Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1990.
- Kemmer, Susanne. The middle voice. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1993.
- Kitaigorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Yazykovoe sushchestvovanie sovremennogo gorozhanna: Na materiale yazyka Moskvy* [Language existence of modern city inhabitants: Based on the Moscow language data]. Moscow. Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2010. 496 p.
- Letuchiy A. B. [Reflexivity]. Plungyan V. A. (ed.). *Materialy k korpusnoi grammatike sovremennogo russkogo yazyka. Chast' 1. Glagol* [Materials for the corpus grammar of the modern Russian language. Part 1. Verb]. SPb.: Nestor-Istoriya Publ., 2016, pp. 268–340. (In Russ.)
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Az² Publ., 1992. 2314 p.
- Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. (eds.) *Rasskazy o snovideniyakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo diskursa* [Night dream stories. A corpus study of oral discourse]. Moscow. Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2009. 735 p.
- Testeleys Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 798 p.
- Yanko-Trinititskaya N. A. *Vozvratnye glagoly v sovremennom russkom yazyke* [Reflexive verbs in modern Russian]. Moscow, AN SSSR Publ., 1962. 247 p.
- Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech'. Lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya* [Russian colloquial speech. Linguistic analysis and problems of teaching]. Moscow. Flinta Publ., 2011. 240 p.